

УДК 811.161.1'37

Е. Ю. Муратова

К ВОПРОСУ О КАЛЬВИНИЗМЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В статье кратко раскрываются биография Ж. Кальвина и основные доктрины кальвинизма. За основу утверждения кальвинизма в творчестве М. Цветаевой взято мнение И. Бродского о ее творчестве: «кальвинист – это, коротко говоря, человек, постоянно творящий над собой некий вариант Страшного Суда». В статье доказывается специфика ценностных ориентаций и установок, выраженных в творчестве М. Цветаевой. Способ восприятия ею мира и своего места в нем, высочайшие требования к себе и близким по меркам своих духовных высот, интуитивное ощущение высшей справедливости – все это «высвечивает» кальвинизм в ее творчестве, говорит о человеке, постоянно творящем над собой высший суд.

Ключевые слова: кальвинизм, поэзия, творчество, духовность, быт, мещанство.

Кальвинизм – религиозное направление, основанное в Швейцарии в XVI в. Жаном Кальвином (1509 – 1564).

Сам Ж. Кальвин рос робким ребенком, но очень рано проявил незаурядные умственные способности, недетское трудолюбие, удивительное

для подростка прилежание и послушание. Его уважали учителя и не любили одноклассники. «Его сдержанность, нелюдимость, строгий нетерпимый тон и в особенности нотации, которые он позволял себе читать им по поводу их увлечений, раздражали их, вызывали к нему неприязнь. Они мстили своему обличителю насмешками и за склонность к обвинениям дали ему ироническое прозвище “винительный падеж”» [3, с. 172 – 173].

Благодаря своему сильному характеру, целеустремленности, специфическому мировоззрению, Ж. Кальвин достаточно быстро стал богословом (с 18 лет он уже читал проповеди в церковном приходе), юристом, проповедником, отрекся от католической веры, создал новое религиозное направление – кальвинизм.

Это был незаурядный, образованный, независимый человек, фанатично верящий в то, что проповедовал. Он владел древнегреческим, древнееврейским и латинским языками, прочитал более двух тысяч проповедей, каждая из которых длилась более часа, и при этом он не использовал никаких подготовительных записей; его сочинения составляют 57 томов.

За религиозные убеждения Ж. Кальвина преследовали французские власти, поэтому он бежал в Швейцарию, где проявил себя во всю мощь своих убеждений, религиозных взглядов и нетерпимого характера. Ж. Кальвин был ярким сторонником конкретной модели устройства государ-

ства, а именно: государство должно быть полностью подчинено церкви. Уже в 32 года он стал фактически диктатором Женевы, подчинив светскую власть протестантской церкви. Вот что о его религиозном и духовном правлении пишет Б. Д. Порозовская: «В протоколах совета мы находим целый ряд самых строгих взысканий за сравнительно незначительные проступки. Так, например, азартный игрок выставляется у позорного столба с картами, привязанными к шее. Молодая женщина, явившаяся в церковь с завитыми по-модному волосами, присуждается к тюремному заключению на несколько дней, и вместе с ней и парикмахерша, убивавшая её голову. Запрещается всякая роскошь в костюмах, шумные публичные увеселения, танцы, употребление непристойных выражений и т. п. Постепенно город потерял своё обычное лицо, и вместо прежней шумной весёлости в нём водворяется почти монастырская тишина» [3, с. 207]. И это еще не всё: факты и свидетельства открывают страшные вещи. Только за первые четыре года нахождения Ж. Кальвина у власти в Женеве было вынесено 58 смертных приговоров, 76 жителей были изгнаны из города, во время расследований применялись издевательства и телесные пытки, в результате которых люди умирали, не дождавшись приговора. И в дальнейшем в кальвинистских общинах было нормой применение пыток и казней за ересь и инакомыслие.

Кальвинизм отрицает свободу воли человека; грех считается явлением неизбежным; не признается богатый католический культ (во время церковных служб у кальвинистов свечи не зажигаются, нет специальных одежд для духовенства, не звучит музыка и т. п.).

Главная доктрина кальвинизма – спасение или вечные муки в аду каждого конкретного человека предопределены Богом, который еще до сотворения мира «избрал» одних людей к спасению, других – к вечной гибели. Но это не призыв к покорности судьбе. Человек должен стать божьим избранником и доказать это своей жизнью, особенно – профессиональной деятельностью. «Согласно Кальвину, никакими усилиями человек не может изменить свою судьбу, но сам факт его усилий – знак принадлежности к спасённым...» [2, с. 20 – 21].

Кальвинизм проповедует аскетизм, простоту жизни, жесточайший кодекс нравственности.

Марина Цветаева никогда не была пуританкой в прямом значении этого слова. Да, она была скромна в своих бытовых привычках. Как вспоминала ее дочь Ариадна Эфрон, мать поздно ложилась, рано вставала, была умеренна в еде, ненавидела быт, к людям труда относилась с глубоким уважением.

Вопрос о соотношении язычества и христианства в мироощущении М. Цветаевой до сих пор остается открытым. В личности М. Цветаевой парадоксальным образом соединялась

стихийная, языческая безудержность, бескрайность страстей – *всяк храм мне пуст* – и Пасха в Кремле, Москва сорока сороков церквей – *Царю Петру, и вам, о царь, хвала!* / *Но выше вас, цари, колокола*, так же, как вечные вопросы, поднимаемые ею в творчестве: быт и бытие, поэт и все, творец и чернь, «над» и «под»:

Безумье – и благоразумье,

Позор – и честь.

Все, что наводит на раздумье,

Все слишком есть –

Во мне. – Все каторжные страсти

Свились в одну! –

Так в волосах моих – все масти

Ведут войну!

И. Бродский называет поэзию М. Цветаевой кальвинистской. «Кальвинизм, – пишет Бродский, – в принципе чрезвычайно простая вещь: это весьма жесткие счёты человека с самим собой, со своей совестью, сознанием... Кальвинист – это, коротко говоря, человек, постоянно творящий над собой некий вариант Страшного Суда – как бы в отсутствие (или уже не дожидаясь) Всемогущего. В этом смысле второго такого поэта в России нет» [1, с. 24].

М. Цветаева себя и других судила очень строго и, что важно, по своим ценностным меркам. К 18 годам Марина Цветаева прочитала все, что только возможно: Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, Гюго, Ламартина, Ницше, Гейне, Гёте и т. д. Но при этом девочка Марина из профессорской семьи, знающая несколько языков, не расстающаяся с книгами, писала М. Воло-

шину в 1911 году: «Каждая книга – кража у собственной жизни. Чем больше читаешь, тем меньше умеешь и хочешь жить сам. ...Книги – гибель. Много читавший не может быть счастлив. Ведь счастье всегда бессознательность...» [5, т. 6, с. 46]. Ее формула жизни: «Не могу этого хотеть и не хочу этого мочь» [Там же, т. 4, с. 112].

Кальвинизм считает грех неизбежным качеством человека. Это качество в поэзии М. Цветаевой проявляется очень своеобразно: она его и провоцирует, и осуждает, и воспеваает, и пытается объяснить:

В гибельном фолианте
Нету соблазна для
Женщины. – *Ars Amandi*
Женщине – вся земля.
Сердце – любовных зелий
Зелье – вернее всех.
Женщина с колыбели
Чей-нибудь смертный грех.
Ах, далеко до неба!
Губы – близки во мгле...
– Бог, не суди! – Ты не был
Женщиной на земле!

Очень многое, конечно, шло из детства, из семьи. И отец будущего поэта Иван Владимирович Цветаев, и мать Мария Александровна Мейн были людьми уникальными.

Иван Владимирович был сыном бедного сельского священника из Владимирской губернии, учился в семинарии, но страстно увлекся филологией и историей искусства. В конечном итоге он стал профессором Московского университета и основа-

телем Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. «Дом профессора Цветаева был пронизан духом древней Эллады и великого Рима. Геракл и Ахилл, Ариадна и Дионис, Эвридика и Орфей, Венера и Психея – это были не просто имена, они воспринимались Цветаевой как реальные люди, ожившие сначала в сознании юной девушки, а затем и в зрелом творчестве поэта...» [4, с. 9].

Мария Александровна Мейн была блестящей пианисткой, свободно владела четырьмя европейскими языками, глубоко знала историю и литературу, сама писала стихи. Но по социальным и семейным обстоятельствам она не могла выступать на профессиональной сцене. Мария Александровна представляла собой уникальное соединение, сплав мятежности, протеста, вольнолюбия, деспотизма и при этом самодисциплины, подчинения и сдержанности. Ее нереализованный талант пианистки, ее несбывшаяся в девичестве любовь, ее замужество (Иван Владимирович Цветаев был вдовцом с двумя детьми и старше жены на 22 года) – всего этого было через край, все это Мария Александровна несла по жизни с высоко поднятой головой, все это, взрослея, понимали их дочери. М. Цветаева всегда восхищалась поколением своих родителей:

Поколение, где краше
Был – кто жарче страдал!
Поколение! Я – ваша!
Продолженье зеркал.
Ваша – сутью и статью,
И почтеньем к уму,

И презрением к платью
Плоти – временному!
Вы – ребенку, поэтом
Обреченному быть,
Кроме звонкой монеты
Всё – внушившие – чтить...
Вам, в одном небывалом
Умудрившимся – быть,
Вам, среди шумного бала
Так умевшим – любить!
До последнего часа
Обращенным к звезде –
Уходящая раса,
Спасибо тебе!

Почтение к уму, презрение ко всему преходящему, свобода личности, цветаевские духовные высоты, от которых, как писала ее дочь, у обычных людей делалась горная болезнь, – это все оттуда, из детства, из прочитанных книг, из увиденных стран, из ценностей и образа жизни родителей.

Марина Цветаева в своих требованиях к себе, детям, друзьям была непреклонна и требовала непомерно, ненавидела праздность, паразитизм, потребительство, лень. В 1918 году М. Цветаева писала: «О черни. Кого я ненавижу (и вижу), когда говорю: *чернь*. Солдат? – Нет... Рабочих? – Нет... Крестьян? – Готова с каждой бабой уйти в ее деревню... Ненавижу – поняла – вот кого: толстую руку с обручальным кольцом и (в мирное время) кошелку в ней, шелковую... юбку на жирном животе, манеру что-то высасывать в зубах, шпильки, презрение к моим серебряным кольцам (золотых-то, видно, нет) – уничтожение всей

меня – все человеческое мясо – мещанство!» [5, т. 4, с. 153]. Она ненавидела мещан, которых считала живыми мертвецами.

Это касалось не только людей, но и вещей, среди которых они существовали. Вещный мир может очень многое рассказать о человеке: что он любит, ценит, предпочитает, чем увлекается. Например, в эссе «Ночевка в коммуне» Цветаева так описывает кровать: «Низкая деревянная резная кровать, очень глубокая. Очень разлтая. Для долгих лежаний, для поздних вставаний. Для лени, для неги, для жиру, для всего, что ненавижу – кровать!» [5, т. 4, с. 49]. Или вот как в письме М. Волошину М. Цветаева описывает Москву 1921 года: «Она чудовищна. Жировой нарост, гнойник. На Арбате 54 гастрономических магазина: дома извергают продовольствие. Всех гастрономических магазинов за последние три недели 850... Общий закон – беспощадность. Никому ни до кого нет дела... Голодных много, но они где-то по норам и трущобам...» [Там же, т. 6, с. 66].

Ее высоты и требования к другим базировались в первую очередь на самых беспощадных требованиях к себе. «А сегодня, например, я целый день ела, – пишет она в 1919 году, – а могла бы целый день писать. Я совсем не хочу умереть с голоду в 19-ом году, но еще меньше хочу сделаться свиньей» [Там же, т. 4, с. 540]. И она всю свою жизнь, всегда и во всем была верна этому неприятию праздности и огромной требовательности и внут-

ренной дисциплине к себе, к своему делу, к своему ремеслу – как она именовала творчество. Надо сказать, что творческого трудолюбия было у М. Цветаевой не меньше, чем ее поэтического таланта.

Такие взгляды она прививала и своим детям. В этом отношении показателен цикл «Стихи к сыну». Приведем из него несколько строк:

Не быть тебе нулем
Из молодых – да вредным!
Ни медным королем,
Ни попросту –
спортсмедным
Лбом, ни слепцом путей,
Коптителем кают,
Ни парой челюстей,
Которые жуют...

Весьма показательно время написания этих стихов – 1932 год. Прошло 10 лет после того, как М. Цветаева покинула Россию, 10 долгих лет эмиграции, нищеты, одиночества, постоянных проблем с жильем – сначала в Чехии, затем – во Франции. Революция отняла у нее все: младшую дочь Ирину, собственный дом, прислугу, значительное наследство в банке. И тем не менее М. Цветаева страстно любила Россию, ту, в которой она выросла, с традициями русской интеллигенции, с отцовским служением делу и стране, домашней библиотекой, православными праздниками, колокольным звоном, кустом рябины. И это все она завещает сыну, которого не хочет видеть буржуем и французом:

Кем будешь – Бог один...
Не будешь кем – порукой –

Я, что в тебя – всю Русь
Вкачала – как насосом! –
Бог видит – побожусь! –
Не будешь ты отбросом
Страны своей.

Кальвинизм – это абсолютный мирской аскетизм, отказ от любых мирских удовольствий: праздников, веселья, танцев, застолий, это почти заупокойная тишина в жизни и душе. Разве не такой кальвинизм проповедует М. Цветаева, например, в цикле «Стол», написанном в 1933 году? Стол как символ труда поэта и смысла его жизни:

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям.
Меня охранял – как шрам.
Мой письменный выучный мул!
Спасибо, что ног не гнул
Под ношей, поклажу грез –
Спасибо – что нес и нес.
Строжайшее из зеркал!
Спасибо за то, что стал
– Соблазнам мирским порог –
Всем радостям поперек,
Всем низостям – наотрез!
Дубовый противовес...
Так будь же благословен –
Лбом, локтем, узлом колен
Испытанный, – как пила
В грудь вьевшийся – край стола!

В стихотворении стол воспринимается героиней и предстает перед читателем абсолютно живым: он верный, всегда был рядом, охранял ее, помогал переносить все жизненные невзгоды, стал верным товарищем в творчестве, радостнее в жизни было с

ним, чем с другими, стол противостоял всем соблазнам и низостям, испытанный на помощь и верность в течение всей жизни героини. Открытость М. Цветаевой, оголенность ее души в творчестве доказывают, что это именно ее взгляд на письменный стол. Сердцевина отношений между письменным столом и М. Цветаевой создается и хранится в ней самой, это ее жизнь, мир, сотворенный ею космос, который она метафорически благодарит и благословляет. В другом стихотворении она прямо пишет: *Да, был человек возлюблен! / И сей человек был – стол...* Как-то М. Цветаева сказала, что, если бы ей предложили рай, но без письменного стола, она бы от такого рая отказалась. Каждый сам творит свой космос.

Поэзия Марины Цветаевой многолика. Она сама писала: «Я – много

поэтов, а как это во мне спелось – это уже моя *тайна*» [5, т. 7, с. 408]. Ее концептосфера включает пространство, время и вечность, поэта, любовь, смерть, разлуку, веру и неверие и др. В статье мы остановились только на одной из сторон ее творчества и жизни: непреклонности духа, неустанности творческой жизни, веры в свои силы. Таким образом, специфика ценностных ориентаций и установок, выраженных в творчестве М. Цветаевой, способ восприятия ею мира и своего места в нем, нетребовательность в быту и высочайшие требования к себе и близким по меркам своих духовных высот, интуитивное ощущение высшей справедливости – все это «высвечивает» кальвинизм в ее творчестве, говорит о человеке, постоянно творящем над собой высший суд.

Библиографические ссылки

1. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2000.
2. Гуревич П. С. Философия человека. М., 2001. Ч. 2.
3. Порозовская Б. Д. Жан Кальвин: его жизнь и реформаторская деятельность // Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола : Биографические очерки. М., 1995.
4. Саакянц А. Марина Цветаева: жизнь и творчество. М., 1997.
5. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. М., 1997.

ON THE QUESTION OF MARINA TSVETAEVA'S CALVINISM

The article briefly reveals the biography of J. Calvin and the main doctrines of Calvinism. The statement of I. Brodsky about her work is taken as the basis for the statement of Calvinism in the work of M. Tsvetaeva: "a Calvinist is, in short, a person who constantly creates a version of the Last Judgment over himself." The article asserts and proves the specificity of value orientations and attitudes expressed in the work of M. Tsvetaeva, the way she perceives the world and her place in it, the highest demands on herself and her relatives by the standards of her spiritual heights, an intuitive sense of supreme justice – all this "highlights" Calvinism in her work, speaks of a person who constantly creates the highest court over himself.

Keywords: Calvinism, poetry, creativity, spirituality, everyday life, philistinism.